

Французское искусство.

Собор в Реймсе.

ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ „ГРАНАТ“.

и без того жалкое народное представительство и фильтрующем предложении для обсуждения в Законодательном корпусе. Процветание промышленности и торговли отражается в известной степени благоприятно и на положении мелкой буржуазии, которой тоже перепадает кое-что из увеличившегося дохода нации, и даже на положении рабочего класса. Но дух протеста все более и более распространяется в широких слоях населения, устранившихся, — если не считать искаженной формы всеобщей подачи голосов, — от всякого действительного участия в управлении страной. И в то время, как идеологи крупной буржуазии стремятся путем легальной умеренной оппозиции превратить Империю в парламентарное государство, идейные представители мелкой буржуазии и обездоленных масс толкают Ф. на путь демократии, республики, революции.

Революция, действительно, разражается в стране под влиянием несчастной войны. Но возникшее в результате Седана республиканское временное правительство является, главным образом, выражением власти крупной и отчасти средней буржуазии. И продолжающее его реакционное, клерикальное, сильно монархическое Национальное Собрание свидетельствует самым характером своим, что верхние социальные слои хотят быть снова и исключительно правящими. Демократический идеал живет в это время, кроме рабочего, в груди мелкой буржуазии, которая в Париже примкнула почти целиком к пролетариату и деятельно участвовала в Коммуне. Ее бросили в ряды рабочих пережитые вместе с ними лишения парижской осады; жестокий закон о торговых векселях, принятый Национальным Собранием и требовавший быстрой уплаты долгов от всех этих мелких лавочников и ремесленников; другой не менее жестокий проект немедленного взноса квартирной платы домохозяевам; патристическое чувство, оскорбленное постыдной капитуляцией временного правительства, сдавшего Париж немцам без настоящего боя; опасения за республику пред лицом монархически настроенной „палаты деревенщины“.

Вместе с пролетариатом парижская мелкая буржуазия подвергается массовому избиению в трагические дни „кровавой недели“. Вместе с ним она расстреливается, ссылается в Новую Каледонию и заключается в крепости и тюрьмы. В числе жертв версальской юстиции официальные документы военных судов цитируют всего чаще, — рядом с чернорабочими, каменщиками, механиками, печатниками, — всевозможных ремесленников, изготовляющих парижские изделия, приказчиков и торговых служащих. В смягченной форме эта политическая рознь между мелкой и крупной буржуазией продолжается и по наши дни, между тем как средняя буржуазия качается то вправо, то влево, когда дело идет о том, чтобы защитить сначала фактически, а потом и легально установившуюся Третью республику. Крупная и часто идущая у ней на буксире средняя буржуазия с самого же начала нового политического строя стремится следовать пресловутому девизу орлеаниста Тьера, присоединившегося к новому порядку вещей: „Республика будет консервативной или ее совсем не будет“, и в первые же годы после падения Империи с прилежанием, достойным лучшей участи, пытается осуществить политическую квадратуру круга в виде „республики без республиканцев“. Лишь под давлением все более радикализирующейся в процессе ускорившейся капиталистической эволюции мелкой буржуазии, рядом с консервативными республиканцами, еле-еле оторвавшимися от монархической пуповины, рядом с умеренными республиканцами, боящимися, однако, действительного господства широких масс, появляются на общественной арене радикальные, тогда немногочисленные республиканцы. Они находят своих избирателей среди ремесленников и лавочников, отчасти рабочих городских центров, позже среди крестьянства некоторых департаментов, и ставят своим политическим идеалом истинно-народную республику, а своим экономическим идеалом „великие и плодотворные социальные реформы“, как выражался в 1876 г. Клемансо, тогда председатель парижского очень левого муниципального совета

„Социальные реформы“, но не социализм, потому что как бы „велики и плодотворны“ они ни были, они оставляют нетронутой частную собственность, составляющую предмет экономических чаяний мелкой буржуазии, тогда как социализм стремится заменить эту собственность собственностью коллективной и предполагает для своей поддержки и своего осуществления другой социальный класс, пролетариат, который не обладает частной собственностью и может быть приобщен к обладанию благами жизни, лишь став коллективным владельцем основных средств производства.

Во время Великой революции пролетариат сливался в значительной степени с мелкой буржуазией и ремесленниками и, поддерживая крайних республиканцев и террористов, как мы знаем, допустил без сопротивления закон Ле-Шапелье, воспрепятствовавший коалиции. Он не протестует при Наполеоне I ни против введения рабочей книжки, ни против статей гражданского кодекса, устанавливающего его неравенство с хозяином в случае возникающего несогласия по вопросам вознаграждения, условий найма и т. п., ни против статей уголовного кодекса, угрожающего ему тюрьмой за забастовку. Между тем во время Первой Империи политика резкого протекционизма, создавая целый ряд национальных ветвей производства, способствует ускоренному росту пролетариата на больших заводах и фабриках. Реставрация, после первых лет сравнительно мягкого обращения с рабочими, возвращается к строгостям наполеоновского времени и восстанавливает начавшие было выходить из употребления закон против коалиций и рабочую книжку. При Реставрации же успехи машинного производства в некоторых местностях и некоторых отраслях промышленности наносят первые сильные удары ремеслу, превращают хозяина мелкого предприятия в пролетария, понижают заработную плату в соответствующих областях индустрии увеличивают число нищих в стране. Низвергая Бурбонов в интересах [крупной и средней буржуазии, которая умышленно закрывает свои заведения] в Париже, чтобы выбросить

рабочих на улицу и на баррикады в июльские дни 1830 г., пролетарии и ремесленники видят свое материальное положение еще более ухудшившимся во время мешанской монархии. Развитие обработки волокнистых веществ на севере и отчасти на востоке (в Эльзасе) выражается одновременно в успехах техники и в возрастании нищеты среди рабочих. Прядильщики и ткачи в северных департаментах, которые при Реставрации получали за 13 часов работы до 4 и даже до 6 фр. в день, принуждены теперь работать 16, порою 18 часов в сутки, а их вознаграждение падает до 2 и до 1 фр. И целые семьи, и матери семейств и дети втянуты в лихорадочный процесс фабричного производства и занесколько су в день отдают свои силы, здоровье, жизнь жестоко эксплуатирующему их капиталисту. На юге, в Лионе, где процветает шелковое производство, тогда первое во всем мире, 40.000 ткачей (les canuts) работают в 10.000 маленьких мастерских, хозяева которых трудятся с ними же вместе и получают заказы от 700 „фабрикантов“, являющихся, несмотря на название, просто крупными торговцами, скупщиками и эксплуататорами, между тем как сами владельцы маленьких заведений и ручных станков делятся с „каню“ половиною платы, получаемой ими от крупных капиталистов. Это то население кустарей, доведенное кризисом 1830 г. до крайней степени лишений, и поднимает в конце 1831 г. знамя восстания против правящей буржуазии во имя права на труд („жить, работать, или умереть в бою“). Но под скипетром „короля-гражданина“ сильно развивается и собственно так называемый рабочий класс, и в его рядах находятся теперь все более многочисленные приверженцы социализма, который с высот гениального философско-исторического и критического утопизма Сен-Симона и Фурье, коммунистической проповеди Кабе спускается на более практическую почву демократического социализма Луи-Блана и анархического мутуализма (предвестника последующего синдикализма). Прудона. Февральская революция быстро идет на убыль, оставляя в умах пролетариев одну важную идею: необ-

ходимость „организации труда“. Разочарование в результатах борьбы во имя социального идеала и улучшение материального положения, связанное с расцветом промышленности и торговли в 50-х и 60-х годах, делают рабочий класс Ф. почти равнодушным к политике во время декабрьского переворота и первых лет Империи. Но дальнейшие успехи страны в индустриальной и коммерческой области, в связи с усиливающимся тяготением все более и более широких слоев населения к свободе и демократии, не только увеличивают ряды промышленного пролетариата, но и повышают его политическое понимание. Само заигрывание цезаризма Второй Империи, — этого первого проявления государственного социализма в современной Европе, — с рабочими идет скорее в пользу, чем во вред пролетариату, давая ему возможность пользоваться правительственными реформами и попечительными мерами власти в интересах своего материального и умственного прогресса и даже сближения с рабочими других стран. Закон 25 мая 1864 г. разрешает, правда с некоторыми чувствительными ограничениями, — стачки. Параллельно с этим правительство вынуждено сквозь пальцы смотреть на образование рабочих профессиональных союзов и кооперативных обществ. А кокетничанье императора с посылкою рабочих делегатов Ф. на Лондонскую всемирную выставку 1862 г. кончается установлением братских отношений между цветом английского и французского пролетариата и в известной мере способствует возникновению (28 сентября 1864 г.) Международного Общества Рабочих, перешедшего в историю под именем (Первого) Интернационала. Последние годы Империи характеризуются хаотическим нестройным, зачастую наивным, но сильным брожением политических и социальных идей, которые ищут выхода из-под тяжелой покрывки цезаристского режима и чрезвычайно повышают революционную температуру в широких массах. Когда поражение Империи приводит к образованию наспех республиканского временного правительства 4-го сентября и у власти становятся почти исключи-

тельно представители крупной и отчасти средней буржуазии, мелкая буржуазия и идущий впереди ее рабочий класс Парижа несколько раз пробуют взять в руки управление великим городом и всей страной в интересах как защиты Ф. от завоевателя, так и осуществления некоторых основных требований политической свободы и социальной справедливости. Это им удается, наконец, временно в форме Коммуны, восстания трудящихся против современного государства и современного капитализма.

После свирепого подавления Коммуны версальцами трудовое население притихает на несколько лет. Собственно рабочий класс уходит в профессиональное движение, принимающее форму синдикализма, но пока не революционного, а мирного, который стремится к частичным улучшениям положения трудящихся, не задаваясь целями пересоздания капиталистического строя. Мелкая буржуазия — торговец, ремесленник, служащий, — застывает в своем экономическом индивидуализме, но в области политической остается сторонницей республики и демократии, избирая своими представителями крайних радикалов в роде Клемансо и Камилля Пельтана, которые, впрочем, еще долго будут насчитывать не мало рабочих в числе своих избирателей. Чувство классовой особенности и стремление создать отдельную рабочую партию проявятся среди французского пролетариата с достаточной определенностью лишь в конце 70-х годов, на третьем рабочем съезде в Марселе (октябрь 1879 г.), под влиянием идущего в то время к марксизму Жюльа Гедда. Но и с образованием в 1880 г. французской рабочей партии, где будут преобладать Гедд, Лафарг, Девилье и другие представители французского марксизма, рабочий класс Ф. не образует компактного политического целого, а разобьется по нескольким, порою сильно враждующим между собою, социалистическим партиям и в течение довольно долгого времени будет лишь очень слабо представлен в парламенте. Действительно, рядом с только что упомянутой французской рабочей партией существуют и агитируют среди трудящихся: очень